

Русская Православная Церковь
Благовещенская епархия

Жизнеописание Ермогена Киренского и Алвазинского

Благовещенск
2021

УДК 82-94

ББК 86.372.24(2Рос-4Аму)-8

Ж712

Ж712 **Жизнеописание Ермогена Киренского и Албазинского** / Сост.
В.А. Пушкарёв. – Благовещенск : Изд-во «Царское Слово»,
2021. – 32 с.

Издаётся по благословению
Высокопреосвященнейшего Лукиана,
Архиепископа Благовещенского и Тындинского

В настоящем издании собраны все доступные сведения о земной жизни и посмертном почитании иеромонаха Ермогена (†1690) – основателя Усть-Киренского Троицкого и Албазинского Спасского монастырей, первого подвижника веры и благочестия Дальнего Востока. Жизнеописание составлено на основе архивных документов, публикаций дореволюционного периода и современных научных исследований.

© Благовещенская епархия РПЦ, 2021

© ООО «Издательство «Царское Слово», 2021

Вступительное слова архипастыря

Иеромонах Ермоген, несомненно, входит в число выдающихся подвижников веры и благочестия Русской Православной Церкви. Свидетельством тому служит широкое народное почитание, возникшее вскоре после его блаженной кончины и получившее деятельную поддержку епархиальных властей Восточной Сибири и Дальнего Востока. К сожалению, известные события XX века надолго прервали эту традицию.

Печать забвения с имени Ермогена была снята только в 1990-е годы, прежде всего – благодаря возвращению Русской Православной Церкви Албазинской иконы Божией Матери. По преданию именно стараниями Ермогена этот чудотворный образ впервые был явлен на амурской земле.

В контексте различных исторических исследований, посвящённых русским землепроходцам XVII века, обнаруживались и другие факты из биографии Ермогена. При этом вплоть до недавнего времени они не составляли цельного жизнеописания. Открытым оставался и вопрос церковного прославления старца.

В 2020 году по моему благословению в Благовещенской епархии была образована церковно-историческая комиссия, в состав которой вошли епархиальные специалисты и авторитетные учёные, профессионально занимающиеся изучением истории Приамурья (игумен Игнатий (Чигвинцев), д.ф.н, профессор А.П. Забияко, к.и.н. В.А. Пушкарёв, В.И. Трухин, А.Н. Черкасов).

Комиссией было собрано много ценных материалов о земной жизни и подвигах иеромонаха Ермогена, выявлены свидетельства его святости, а также установлены контакты с другими епархиями, где живёт и возрождается память о нём. Результаты работы комиссии легли в основу настоящего издания.

Уважаемые читатели, надеюсь, эта книга подарит вам добрую встречу с замечательным подвижником веры и благочестия, на ком сбылись слова премудрого Соломона: *«Праведники живут во веки; награда их – в Господе, и попечение о них – у Вышнего. Посему они получают царство славы и венец красоты от руки Господа»* (Прем. 5: 15-16)

Архиепископ Благовещенский и Тындинский

1. Начало подвижнического пути: Усть-Киренский Троицкий монастырь

О происхождении, первых годах жизни, времени монашеского пострига и рукоположения Ермогена ничего не известно¹. В сохранившихся источниках он именуется «прихожим попом» [16, с. 647], из чего можно заключить, что в Восточную Сибирь он прибыл, уже будучи иеромонахом. Позже анонимный агиограф напишет, что вся его жизнь прошла в скитаниях: «Из Святой России в Усть-Киренскую пустынь, из Усть-Киренской пустыни в Албазин на Брусняной камень...» [3, л. 2-2 об].

Первое документальное упоминание Ермогена содержится в челобитной пашенных крестьян и промышленных людей, поданной 15 марта 1663 года Илимскому воеводе Лаврентию Обухову. Челобитчики просили выделить землю близ Никольского погоста для устройства монашеской обители, строителем которой выдвигали чёрного попа Ермогена. 1 июня того же года с челобитной аналогичного содержания к воеводе обратился уже сам Ермоген. Прошение было удовлетворено, Ермоген получил требуемые земли и стал собирать братию [5, с. 29-31].

Деятельность большинства сибирских монастырей XVII века не ограничивалась аскетическим общежитием монахов. Они выполняли важную функцию социального призрения, становясь пристанищем для пожилых, увечных, оставшихся без семейного попечения людей. С учётом этой практики поддерживал устройство Усть-Киренской обители и воевода Обухов. В своей челобитной царю он отмечал: «в Илимском остроге многие всяких чинов люди при старости живут, а обещания кладут в иноческий чин постричьца» [2, ст. 450, л. 114-115].

¹ В настоящей работе используется характерный для документов XVII-XVIII вв. и церковно-славянской традиции вариант написания этого имени. Исключение составляют библиографические данные и прямые цитаты из источников, где используется вариант «Гермоген».

Вместе с тем сибирские монастыри того времени зачастую создавались как кооперативные хозяйства. Их устройством занимались не только ушедшие от мира подвижники благочестия, но и предприимчивые миряне. Часто к монашеской братии примыкали так называемые вкладчики – семейные мужики, передававшие в монастырскую собственность имущественные пай с правом получения от них годовой прибыли в виде хлеба и скота. Кроме того, переходя под монастырскую юрисдикцию, вкладчик частично выпадал из государственного тягла.

Не случайно именно пашенные крестьяне и промышленные люди инициировали строительство монастыря близ Никольского погоста. Это поселение на реке Лене при впадении в неё реки Киренги было основано казачьим отрядом под командованием десятника Василия Бугра ещё в 1630 году. Население погоста быстро росло. В 1665 году на его месте был устроен Усть-Киренский острог (спустя 110 лет он получит городской статус).

Место нарождающегося монастыря уже прежде было отмечено большим крестом, который некогда поставил здесь местный промышленник Ерофей Павлович Хабаров. Неясно, когда и при каких обстоятельствах это произошло, но доподлинно известно, что в 1641 году в устье Киренги он поставил мельницу [5, с. 29]. Хабаров одним из первых завёл пашню в долине Илима и верхней Лены. Кроме того, в устье реки Куты он обнаружил соляные источники и построил здесь соляную варницу.

В историю Ерофей Хабаров вошёл прежде всего как выдающийся землепроходец. В 1649-1653 гг. во главе отряда охочих людей он исследовал Приамурье, облагая ясаком местные племена. Вопреки государственному установлению лаской обращать туземцев в русское подданство, Хабаров жестоко обращался с ними. Суров он был и в отношении собственных казаков, что стало причиной их бунта. Хабарова арестовали и

конвоировали в Москву для судебного разбирательства. Вина его была доказана, но за заслуги по освоению сибирских и даурских земель он получил от царя чин сына боярского и был отправлен в Илимское воеводство управлять Усть-Кутской волостью. По некоторым данным, последние годы жизни Хабаров провёл в Усть-Киренском остроге, здесь же и был похоронен около 1671 года [12, с. 266].

На склоне лет Ерофей Павлович, вероятно, смирил свой нрав и даже стал благодетелем Усть-Киренской обители. Не последнюю роль в этом духовном преображении сыграло его общение с иеромонахом Ермогеном: *«неукротимый Ерофей Хабаров, смягченный наставлениями преподобного, обогатил монастырь землями, мельницами и рыбными ловлями»* [3, л. 5].

В 1665 году в монастыре уже проживало более 30 человек братии, ими были построены часовня и кельи. Однако для полноценного устройства монашеского общежития монастырю недоставало высочайшего государева разрешения и благословения духовного начальства. В мае 1665 года большая группа местных жителей через воеводу Обухова направила царю челобитную, в которой просила *«на то монастырское строение дать свою великого государя строительную грамоту тому черному попу Ермогену, и святые соборные апостольские церкви и патриаршего двора благословенную грамоту и антимины, и мир, и масло церкви освятить»* [2, ст. 450, л. 112-113].

Тогда же Ермоген отправил письмо Тобольскому митрополиту Симеону, испрашивая его благословения на строительство в новой пустыни двух церквей – в честь Живоначальной Троицы (с двумя приделами) и Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Владыка Симеон получил это прошение только осенью 1665 года, ответив на него благословенной грамотой [5, с. 31-32]. Но к этому времени отца Ермогена уже не было в Усть-Киренске.

2. В отряде Никифора Черниговского: путь на Амур

Судьба смиренного монаха резко переменилась после убийства воеводы Обухова. Каждое лето он приезжал из Илимска на Никольский погост, в это время там проходила ярмарка, съезжались пашенные крестьяне, торговые и промышленные люди. Воевода проверял документы приказчиков и целовальников, принимал челобитные, разбирал судебные дела, а также отоваривался. Ездил он обычно со всей семьёй, родственниками, дворовыми и служилыми людьми [15, с. 70].

28 июня 1665 года, когда Обухов по Лене возвращался в Илимск, на воеводский дощаник внезапно напала организованная группа местных жителей. В ходе возникшей потасовки воевода был убит. Учинив таким образом самосуд, заговорщики вернулись в Никольский погост, а оттуда двинулись на восток – в Даурскую землю. Возглавил ватагу беглых людей приказной человек Никольского погоста Никифор Черниговский.

4 июля в приказной избе на Чечуйском волоке черниговцы составили пространную челобитную, в которой объяснили свой поступок нежеланием более терпеть обуховский произвол. В документе перечислялись все притеснения, которые чинил им илимский воевода. Говорилось, что сначала он вгонял их в долги, а потом жестоко выбивал недоимки либо вовсе занимался прямым грабежом. Также отмечалось, что попытка добиться справедливости, направив жалобу в Москву, не увенчалась успехом. Обухов перехватил составленную против него челобитную и стал ещё более притеснять жалобщиков. Более того, под угрозой расправы он заставил их подписать похвальную челобитную – с прошением продлить его воеводские полномочия.

Среди прочих бесчинств, в которых уличали черниговцы покойного воеводу, отдельно значились обиды, нанесённые священнику местной Никольской церкви Фоме Кирилову. Сначала воевода его

тиранил по разным надуманным поводам, потом увёз в Илимский острог, где держал некоторое время под арестом, а затем и вовсе изгнал за пределы своего воеводства, оставив никольских прихожан без духовного окормления. Тем временем на Никольском погосте у попа Фомы осталась жена – Пелагейка Никифорова дочь. При очередном визите на Киренгу Обухов её изнасиловал [15, с. 89-91].

Есть предположение, что попадья Пелагейка была дочерью, а поп Фома – зятем Никифора Романовича Черниговского. Другого же его зятя – таможенного целовальника Петра Осколкова за какие-то провинности Обухов теперь тоже арестовал и повёз в Илимский острог. Таким образом, помимо общего недовольства обуховским произволом у приказчика Никольского погоста могли быть личные счёты с илимским воеводой [15, с. 103, 123].

В нападении на воеводский дощаник участвовали три сына Никифора Черниговского – Фёдор, Онисим и Василий. Как впоследствии утверждал Фёдор, убийство Обухова произошло спонтанно в результате его попытки скрыться. Никифор Черниговский приказывал сыновьям живым схватить воеводу. Возможно, таким образом он хотел проучить местного тирана или взять его под арест для дальнейшего судебного разбирательства. Тот же Фёдор свидетельствует, что отец ещё весной собирался обходным путём идти в столицу, чтобы жаловаться царю на Обухова. Однако позже он переменял решение и поддержал заговорщиков, затеявших нападение на воеводу и последующее бегство в Даурскую землю.

Таким образом, не стоит расценивать это бегство как спонтанное решение преступников, желавших скрыться в глухом краю от царского правосудия. Побег на Амур готовился заранее. Независимо от конечной участи Обухова, Черниговский со товарищи планировал уходить в Даурию [15, с. 70-73]. Трудно сказать, почему изменил он свои намерения. Видимо, не очень надеялся найти в Москве правду или вовсе добраться до столицы. Путь на Амур был куда ближе и безопасней. Теперь же, после убийства воеводы, этот путь оставался единственно возможным.

Слухи о Приамурье – сказочно богатой даурской земле – широко разошлись по всей Сибири со времён хабаровского похода. Богатый регион, не входящий в сферу влияния российского государства, манил лихих и охочих людей. Время от времени на Амур убегали составленные из них ватаги. Любопытно, что некогда Никифор Черниговский как служилый человек участвовал в погоне за беглыми людьми, направлявшимися в даурскую землю [12, с. 88-89].

Теперь же он сам был предводителем такого отряда. Однако, в отличие от всех прежних ватаг, искавших на Амуре вольной жизни, беглые киренцы хранили верность русскому государю и намеревались служить ему на дальних рубежах. Чечуйская челобитная завершается словами: *«И мы, холопи и сироты ваши, в нынешнем во 173 году, не мога ево, Лаврентьева, мученья претерпеть, и от всяких ево изгони и угроз пошли вам, великим государем, служить на Амур реку, покиня дома свои, жен и детей своих»* [15, с. 91].

Среди многих беглых людей, приложивших руку к этой челобитной, значится и чёрный поп Ермоген [15, с. 93]. Каким образом строитель Усть-Киренского монастыря оказался в отряде Черниговского, знал ли он о его планах идти в Даурскую землю? Сказать трудно. Как отмечалось выше, у Ермогена не было личного конфликта с Лаврентием Обуховым. Покойного воеводу даже можно было назвать благодетелем монашеской обители. Вряд ли деятельному монаху, едва приступившему к устройству нового монастыря, хотелось куда-то уходить, да ещё в компании преступников. Поэтому наиболее вероятной представляется версия, что Ермогена увлекли против его воли [5, с. 6].

Агиограф прямо утверждает, что черниговцы насильственным образом взяли преподобного Ермогена и несколько его учеников для исправления духовных треб, ибо *«чувства нравственные, замечательные в злодеях»* [3, л. 5 об]. Такой поступок вполне объясним, учитывая, что русские люди XVII

века при всей грубости тогдашних нравов были глубоко укоренены в православной традиции. Уход на поселение в далёкие края был немислим без организации там элементарной церковной жизни. Без священника нельзя было схоронить покойника, исповедаться, крестить новорождённых, отмечать важнейшие христианские праздники.

В тех же отрядах, в составе которых не было священников, зачастую происходили раздоры и бесчинства. История хабаровского похода была тому наглядным примером. Поэтому вполне вероятно, что Ергоген расценил произошедшее с ним как промысел Божий и с христианским смирением принял сей крест – стать добрым пастырем для пленивших его разбойников.

Согласно показаниям Федьки Черниговского, в нападении на воеводу непосредственно участвовало 22 человека, в бега же подалось значительно больше людей. При достижении Тугирского волока их отряд уже насчитывал 84 человека. При этом единого мнения о дальнейших действиях у них не было. Часть беглецов, не желавших пахать приамурские земли, собирались податься в Нерчинский острог. Другие же и вовсе пошли в обратном направлении [15, с. 114-115].

В их числе оказался и сам Федька с братьями. На Лене они были схвачены и доставлены в Якутский острог, где и дали свои показания. Причину своего разлада с отцом они не назвали, отметив только, что изначально шли с ним против своей воли [15, с. 122]. Если уж от Никифора Черниговского ушли собственные сыновья, то наверняка и Ергоген имел такую же возможность. Однако он не воспользовался ею и продолжил путь с разбойничьей ватагой, что опять-таки можно трактовать как следование пастырскому долгу.

3. Духовный центр Приамурья: Албазинский Спасский монастырь

Отряд Никифора Черниговского прибыл на Амур осенью 1665 года и обосновался на месте бывшего городка даурского князя Албазы. Пятнадцатью годами раньше это поселение было захвачено Ерофеем Хабаровым, а после его ухода пришло в запустение.

Уже к осени 1666 года черниговцы отстроили здесь небольшой острог, обложили ясаком окрестных дауров и тунгусов, завели пашню и сняли первый урожай. Едва обосновавшись на новом месте, Никифор Черниговский наладил связи с Нерчинским воеводством, демонстрируя тем самым свою верность русскому государю [12, с. 98]. И хотя официально водворившиеся на Амуре казаки считались преступниками, нерчинские приказчики (Ларион Толбузин и Данила Аршинский) полагали полезным нахождение албазинского гарнизона на восточных рубежах российских владений.

Первоначально приказчиком Албазинского острога был Никифор Черниговский, в 1670 году его сменил Пётр Осколков. При посредничестве нерчинских властей албазинцы стремились получить царское прощение. С этой целью они отправили в Москву несколько челобитных. Одно из таких посланий было составлено и подписано чёрным попом Ергогеном. Другое письмо подобного содержания было подписано неким попом Фёдором Ивановым [15, с. 159, 182]. Так духовные пастыри выступили ходатаями за свою паству. Наконец, в 1675 году вышел царский указ о помиловании Никифора Черниговского и его сообщников, а также повеление и впредь нести им государеву службу на Амуре [1, Т. VIII, № 73, с. 275-276].

Не забывали албазинцы и об устройении церковной жизни. В самом остроге они возвели церковь во имя Воскресения Христова. Вместе с тем, в 1671/1672 году в одной версте повыше Албазина, в урочище Брусяный камень, иеромонах

Ермоген основал монастырь во имя Всемилоственного Спаса. Приказчик острога Пётр Осколков испросил для этого соответствующее разрешение от светской и духовной властей [13, с. 38]. Примечательно, что царский указ и архиерейское благословение на строительство монастыря албазинцы получили прежде, чем были удостоены государева прощения за убийство илимского воеводы и самовольное бегство на Амур. Таким образом, именно с основания монастыря началась легализация их положения.

*Албазинский острог в 1665–1682 гг.
Реконструкция*

Усилиями монахов, албазинских казаков и монастырских вкладчиков в пустыни был построен храм в честь Всемилоственного Спаса, приобретены необходимые для службы иконы, книги и ризы. В 1680 году в своей челобитной царю Ермоген расскажет некоторые подробности создания обители: «...А заводя ту пустынку, ходя по миру с ыконою, а на подмог и на всякую работу албазинские казаки давали хлеба и коней и работников. И я богомолец, твой пустынку построил и братию прибрал девять братьев, а стоит та пустынка

повыше Албазинского острогу вверх по Амуру реке на брусном камени» [2, оп. 3, стб. 450, ч. 1, л. 8].

И вновь, как в своё время на Киренге, Ермоген проявил себя в Приамурье не только как добрый пастырь и молитвенник, но и как крепкий хозяйственник. В Спасском монастыре подвизались несколько монахов и более 20 вкладчиков. Уже через несколько лет после своего основания монастырь имел довольно обширное хозяйство: пашни, сенные покосы, скотские выпуски, табун лошадей, стадо рогатого скота, две мельницы, торговые лавки, две заимки на Амуре и даже двор в Нерчинске [13, с. 39-40].

Иеромонах Ермоген лично ездил продавать муку в Нерчинск, добывая тем самым средства для устройства монастыря. В одну из таких поездок, в 1675 году, он был схвачен нерчинским воеводой Шульгиным. Отобрав у иеромонаха 20 пудов муки, пьяный воевода приказал вздёрнуть его на дыбу и «хотел пытать безвинно, для своей бездельные корысти», вымогая у него деньги. [1, т. VII, № 75, с. 373]. Этот эпизод стал одним из ключевых в жалобе нерчинских жителей на своего воеводу.

Спустя несколько лет Ермогена ждал новый удар. На этот раз – уже не по произволу местного начальства, а по царскому указу – он лишился всего монастыря. Причиной тому стали земельные споры между Тобольским архиерейским домом и туземным населением Западной Сибири. Вступившись за обиженных инородцев, царь Фёдор Алексеевич повелел пересмотреть старые монастырские грамоты и переписные книги всех монастырей Сибирской митрополии. Воеводам и приказчикам сибирских городов предписывалось выявлять земли, переданные монастырям после 1658/1659 г. и при наличии таковых – отписать их вместе со всеми находящимися на них строениями и имуществом в государственную казну. Крестьян же, пахавших эти земли, следовало переводить на десятинную государственную пашню.

**Челобитная иеромонаха
Ермогена царю
Фёдору Алексеичу**

Впредь до получения ясных указаний из Москвы нерчинский воевода Фёдор Воейков приостановил изъятие монастырского имущества в государственную казну, а всё ранее изъятое

В 1679 году в Албазинский острог прибыл новый приказчик Яков Евсевьев. На основании царского указа он отписал земли и всё имущество Спасского монастыря в государственную казну. К этому времени в ряде сибирских монастырей уже прошли расследования, которые никаких нарушений в их землеустройстве не выявили. Поэтому поспешно отписанные в государственную казну земли с заводами были возвращены монахам [13, с. 36-37].

Зная об этом, иеромонах Ермоген стал добиваться такого же решения и в отношении своей обители. В 1680 году он подал царю Фёдору Алексеичу челобитную, в которой, изложив обстоятельства создания Спасской пустыни, просил: «*пожалуй нас, богомольцев своих, вели, государь, тою нашею пустынькою и со всяким заводом и с пашенными крестьяны владеть нам, богомольцом твоим, по прежнему*» [2, оп. 3, стб. 450, ч. 1, л. 8].

имущество приказал вернуть монахам. Соответствующее указание в 1681 году он дал своему сыну – Андрею Воейкову, назначенному приказчиком Албазинского острога [13, с. 40-41].

А вот с албазинскими казаками у нового воеводы отношения не сложились. Возмущённые невыплатой жалованья, они отказались передавать собранный соболиный ясак в казну и даже угрожали, что возьмут Андрея Воейкова в заложники. Нерчинскому воеводе пришлось лично ехать в Албазин на выручку сыну и вести переговоры с мятежными казаками. Местом своего пребывания Фёдор Воейков определил Спасский монастырь. Острог же, названный в сердцах «воровским», он грозился сжечь, а церковь Божью разобрать и перенести в монашескую пустынь [1, т. XII, № 2, с. 2-8].

Но несмотря на исходившие с обеих сторон обвинения и угрозы, компромисс был достигнут. Казаки согласились умерить свои требования с четырёх тысяч до 500 рублей. Воевода занял эти деньги у нерчинских «промышленных людей», выплатил казакам жалованье и получил соболиную казну. Переговоры проходили на территории монастыря. Возможно, что его настоятель сыграл миротворческую роль в разрешении конфликта.

4. Возвращение на Киренгу

В 1683 году Албазинский острог был значительно расширен и укреплён, став центром новообразованного Албазинского воеводства, границы которого простирались от Шилки и Аргуни на западе до устья Зеи на востоке. В этих пределах уже располагалось более 20 русских поселений – слобод, ясачных зимовий и острожков, где выращивали хлеб и добывали пушнину. Русское подданство приняли многие даурские и эвенкийские племена.

Усиление русского присутствия в Приамурье вызывало негативную реакцию маньчжуров – воинственного народа, в середине

XVII века захватившего Китай и установившего свою династию Цин. Желая укрепить северные рубежи своей державы, император Канси продвигался со своими гарнизонами к Даурии. Его войска разоряли русские поселения на Амуре. В 1682-1683 гг. были сожжены Долонский, Селембинский, Зейский и Тугирский острожки [12, с. 106].

В июне 1685 года маньчжуры подошли к Албазинскому острогу, предварительно разорив близлежащие селения. Был уничтожен и Спасский монастырь. Монахи и пашенные крестьяне укрылись за стенами острога. Но силы противников были неравны. Тогда иеромонах Ермоген убедил албазинского воеводу Алексея Толбузина начать переговоры о мирной сдаче крепости. Маньчжуры позволили албазинцам беспрепятственно уйти в Нерчинск, отобрав всякое имущество.

В пути Ермогеном была составлена челобитная русским царям Ивану V и Петру I, в которой он кратко описал ход военных действий и бедственное положение защитников павшей крепости. В ней также говорится, что маньчжуры предлагали албазинцам перейти на службу своему богдыхану. Однако *«воевода Алексей Ларионович Толбузин и мы холопы и сироты ваши, памятуя православную христианскую веру и вашу великих государей премногую милость и ко господу Богу и к вам великим государем свое обещание и крестное целование на их прелесть не сдались и богдойскому их царю служить не пошли, и на многое жалованье, и дары не обольстились. И идем к вам великим государем в ваши великих государей города с воеводою с Алексеем Ларионовичем Толбузиным наги и босы, и голодны питаемся травой и корнем»* [2, оп. 3, ст. 973, л. 198-201].

Отпущенные маньчжурами албазинцы шли вверх по Амuru. Всего в отряде было 230 человек. Опасаясь, что таким числом они не смогут найти достаточного пропитания и будут обречены на голодную смерть, на реке Урке они решили разделиться. Отряд служилых людей под командованием воеводы Алексея Толбузина продолжил движение в западном направлении и скоро прибыл в Нерчинский

острог. Получив здесь значительное подкрепление, казаки вернулись на Амур, возвели на пепелище новый острог и ещё несколько лет (вплоть до подписания Нерчинского трактата 27 августа 1689 года) героически противостояли маньчжурской агрессии.

Другая же группа албазинцев летом 1685 года двинулась на север – по речке Урка, затем через волок – на речку Нюкжа, впадающую в Олёкму, и далее – на Лену. В числе этих 120 человек – пашенных крестьян, промышленников и служилых людей был также и чёрный поп Ермоген [15, с. 248-249, 254].

Очевидно, что по Лене он добрался до устья Киренги и таким образом вернулся в основанный им Свято-Троицкий монастырь. В июле 1688 года илимский воевода Фёдор Павлов, описывая состояние монастыря, отмечал: *«Братьи в той пустыне ныне: игумен Иосиф, строитель старец Иосиф же, да прежний строитель чёрный поп Ермоген, да рядовые братьи и з больными сорок пять человек»* [2, ст. 653, л. 53-54].

19 декабря 1690 года Ермоген почил, незадолго до этого приняв схиму. Братия похоронила старца за правым клиросом Троицкой церкви [3, л. 12]. Неутомимый подвижник, проведший всю свою земную жизнь в скитаниях, обрёл вечный покой.

**Усть-Киренский Свято-Троицкий монастырь.
Литография XIX века**

5. Чудеса и посмертное почитание

Народное почитание Еромогена началось сразу же после его смерти. В память о нём в Усть-Киренском монастыре часто совершались панихиды. К месту его погребения приходили многочисленные паломники, которые свидетельствовали о чудесах, явленных по молитвам старцу. В 1788 году усердием игумена Вонифатия (Березина) над могилой Еромогена была устроена каменная гробница [5, с. 8, 18, 23]. Авторству этого же настоятеля принадлежит первый портрет Еромогена, который положил начало формированию его иконописного образа [16, с. 648].

В начале XIX века другой настоятель обители – игумен Лаврентий (Мордовский), опираясь на хранившиеся в монастыре документы, составил «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря». В этом небольшом документальном повествовании были собраны ценные сведения о земной жизни Еромогена. С небольшими дополнениями книга Лаврентия (Мордовского) была издана в Москве в 1841 году. Среди прочих дополнений в ней отмечалось, что «память сего строителя Еромогена чувствуется многими, и усердствующими к нему над гробом его совершают часто панихиды» [5, с. 28].

В 1858 году в монастыре было написано «Житие Преподобного Еромогена». Правильнее сказать – оно было составлено из двух слов, произнесённых в дни памяти подвижника – 10 декабря (день тезоименитства) и 19 декабря (день кончины) [3]. Рукопись эта не содержит никаких указаний на её авторство. Вероятно, в роли агиографа выступил известный церковный учёный архимандрит Гавриил (Воскресенский), бывший настоятелем Усть-Киренского монастыря в 1852–1861 гг.

Первое слово представляет собой рассказ о земной жизни Еромогена. Во втором слове собраны свидетельства его посмертных явлений и связанных с его почитанием чудес. Всего зафиксировано 27 таких случаев. Почти все они имеют точную датировку

Портрет Еромогена XVIII века

(с 1794 по 1857 годы) и отсылку к реальным личностям свидетелей – насельников и служителей монастыря, а также жителей Киренска и прочих селений Киренского уезда. Многие случаи были

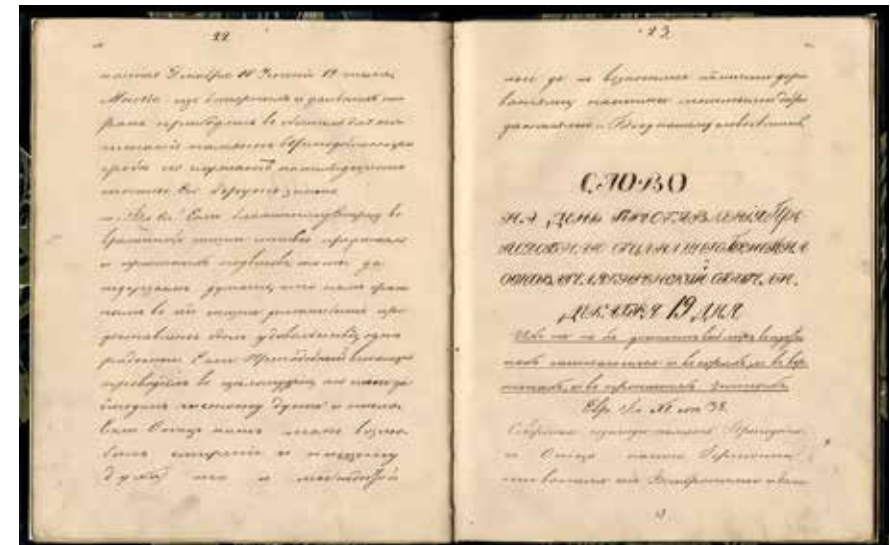
записаны со слов паломников, приходивших отслужить панихиду над гробом Ермогена с благодарением за явленные чудеса.

В основном это были исцеления, произошедшие по молитвам преподобному старцу. В ряде случаев люди утверждали, что Ермоген являлся к ним во снах и облегчал страдания добрым словом или прикосновением. Помимо избавления от разных недугов (больные конечности, проблемы с горлом, детские болезни) его благодарили даже за благополучное разрешение тяжёлых родов.

Святой старец также являлся к насельникам или служителям монастыря с целью их отеческого вразумления, а подчас и сурового обличения. Пожалуй, самым страшным было явление Ермогена, в котором он предрёк своему монастырю большой пожар и смерть многих монахов в наказание за их «нерадение и мирское мудрование» [3, л. 23]. Предостережение старца не послужило исправлению братии. В августе 1814 года в монастыре случился страшный пожар, который уничтожил большинство деревянных построек. Но Алексеевская церковь, где находились мощи преподобного Ермогена, чудом уцелела.

С местом погребения старца связана третья группа чудес и видений. После упомянутого выше пожара монастырь, едва не пришедший в запустение, был отстроен заново. Однако в ноябре 1831 года обитель вновь была охвачена огнём. На этот раз сгорела и Алексеевская церковь, но деревянная доска, покрывавшая гробницу преподобного, ко всеобщему удивлению осталась в целости [3, л. 23]. Несколько человек в разные годы видели, как в тёмное время суток Алексеевская церковь изнутри озарялась светом. Ещё несколько человек рассказывали, что видели во снах преподобного старца бодрствующим в склепе либо выходящим из храма.

Во 2-й половине XIX века системной фиксацией чудес, связанных с именем Ермогена, уже никто не занимался. Тем временем чудеса происходили, о чём становится известно из разных источников. Так, в октябре 1863 года в Свято-Троицком монастыре вспыхнул очередной пожар. По наблюдениям настоятеля,

Житие Гермогена, 1858 г.

на месте, где покоились мощи основателя обители, огонь едва теплился, «как бы чем-то удерживаемый», в то время как в других частях храма пламя действовало беспощадно. По этому поводу архимандрит Дмитрий замечает: «Нельзя не видеть в этом обстоятельстве чудного знамения Всемогущего Господа, хранящего вся кости праведников». В этом же сообщении отмечается «всеобщее благоговение и ближних, и дальних жителей к памяти Преподобного Гермогена как мужа праведного и молитвенника пред Господом, являвшего многократно чудную помощь притекающим к нему с молитвою веры» [7, с. 271-272].

Слова настоятеля подтверждает известный просветитель, распространитель Св. Писания И. К. Голубев. В конце XIX века он посетил Иркутскую епархию и по итогам своей поездки подготовил небольшой очерк о Свято-Троицком монастыре. В нём было отмечено, что «многие приходящие в монастырь помолиться получают по молитвам преподобного Гермогена исцеление от болезней, так что память его чтится весьма благоговейно» [4, с. 8].

Летом 1913 года монастырь посетил vikарий Иркутской епархии епископ Киренский Евгений (Зернов) – будущий священномученик. 11 июля он совершил панихиду по основателю обители. В своём слове владыка отметил большие заслуги Ермогена в деле религиозно-нравственного просвещения края и призвал всех предстоящих вознести молитву «об упокоении со святыми его души, христиански любвеобильной и самоотверженной, преданной служению духовному благу своих ближних» [8, с. 110-111].

Епископа Евгения сопровождал в поездке законоучитель Иркутского института священник Николай Пономарёв. В своём путевом дневнике он отмечает, что «память Гермогена чтится высоко. Почти в каждом синодике киренчанина можно встретить имя иеромонаха Гермогена, в монастыре очень часто по нём служат панихиды, к нему обращаются как святому, со своими немощами и нуждами... Народное мнение на стороне его святости» [8, с. 86].

Во второй половине XIX века память о Ермогене распространилась далеко за пределы Киренского уезда и достигла Дальнего Востока – канонической территории обширной Камчатской епархии. Причин тому было несколько.

Во-первых, Приамурье, где двумя веками раньше подвизался Ермоген, теперь снова стало достоянием России, и именно сюда переместился центр епархиального управления.

Во-вторых, в 1868 году в Благовещенск из Сретенска была привезена Албазинская икона Божией Матери, которую по преданию впервые принёс на Амур Ермоген [6, с. 346-347].

В-третьих, многие приамурские архиереи, прежде чем занять Благовещенскую кафедру, проходили служение в Прибайкалье. А трое из них и вовсе начинали архиерейское служение викарными епископами Киренскими². Несомненно, они способствовали росту почитания Ермогена среди своей новой паствы.

Так, в 1886 году Преосвященный Гурий (Буртасовский), епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский, предписал «всем причтам Камчатской епархии ежегодно 1 сентября совершать панихиды и заупокойные литургии о блаженном упокоении иеромонаха Ермогена, первого подвижника и проповедника веры и благочестия на Амуре» [10, с. 314]. Трудно сказать, чем был обусловлен выбор 1 сентября в качестве памятной даты, но уже через несколько лет ежегодные поминовения стали проводиться в декабре. Епархиальная пресса сообщает, что 11 декабря 1894 года в Благовещенском кафедральном соборе «по установленному обычаю была панихида по блаженном старце, иеромонахе Ермогене (почивающем в г. Киренске) – первом священнослужителе-миссионере на берегах Амура» [11, с. 532].

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сложилось и широко распространилось народное почитание преподобного

² Макарий (Дарский), в 1883-1892 гг. – епископ Киренский / в 1892-1897 гг. – епископ Благовещенский; Евсевий (Никольский) – в 1897 г. / в 1897-1899 гг., Евгений (Зернов) – в 1913-1914 гг. / в 1914-1923 гг.

Ермогена. В память о нём регулярно совершались панихиды, писались иконы, на могилу старца в Усть-Киренском монастыре приходили паломники, местные агиографы фиксировали многочисленные свидетельства о явленных им чудесах.

При этом в церковных святцах имя Ермогена не упоминалось, что неудивительно, так как в синодальный период процесс канонизации был изрядно формализован. За весь период существования синодальной системы (1721–1917 гг.) общецерковного прославления удостоилось всего 10 святых, причём пятеро из них – только в начале XX века³. Ещё 15 подвижников были занесены в святцы как местночтимые святые. Тем временем церковное самосознание открывало всё больше и больше угодников Божиих, сведения о них бережно хранились, публиковались в церковной печати и систематизировались в помещенные своды «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия».

В 1916 году по инициативе Преосвященного Сильвестра, епископа Омского и Павлодарского, началась подготовка «Сибирского патерика». В этот сборник, составленный по традиционному житийному канону, должны были войти «жизнеописания прославленных угодников Божьих и непрославленных подвижников веры и благочестия, кои родились или подвизались в пределах Азиатской России». В числе непрославленных подвижников XVII века значился преподобный Ермоген Киренский [9, с. 7-12].

Всего же проект «Сибирского патерика» включал 50 имён. Из них только 5 на тот момент содержались в святцах, в скором времени ожидалось прославление ещё двух святых. Издание «Сибирского патерика» нашло поддержку других сибирских архиереев, был сформирован большой авторский коллектив, намечен план работы. Собранные в ходе этой работы материалы в перспективе могли стать прочной документальной

³ В их числе, например, тёзка албазинского подвижника – священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси, общецерковное прославление которого состоялось только в 1913 году.

основой для общецерковного прославления целого сонма сибирских подвижников веры и благочестия. Однако грянувшая вскоре революция и последовавшие за ней гонения на Церковь помешали реализации этого проекта.

Новый интерес к личности Ермогена возник в 1990-е годы. Его жизненному пути и духовному подвигу был посвящён ряд публикаций, подготовленных церковными и светскими исследователями [13, 14, 15, 16]. А с восстановлением исторической памяти о подвижнике возродилась и традиция его народного почитания.

В православном Прибайкалье имя Ермогена особенно почитается в Братской епархии, на территории которой до революции действовал Усть-Киренский монастырь, где и был погребён его основатель. В кафедральном соборе Братска и Спасском храме Киренска находятся иконописные образы старца, в память о нём, как и в XIX веке, регулярно совершаются панихиды.

В сознании православных жителей Приамурья личность Ермогена неразрывно связана с Албазинской иконой Божией Матери, широкое почитание которой также возродилось в 1990-е годы. В 2015 году архиепископом Благовещенским и Тындинским Лукианом (Куценко) был составлен акафист древней амурской святыне, отразивший ключевую роль Ермогена в истории её обретения: *«Видяще, Преплагая Владычице, усердие старца Ермогена, священноинока обители Усть-Киренския, благоизволила еси рукама сего образу Твоему святому на землю Амурскую принестися, у него же Великому Промыслителю Богу поем, Аллилуйя», «Разум благопросвещен имеюще, преподобный Ермоген мужественно противостояше бедам и лишениям в земли неизведанной, явленными благодеяниями от иконы Твоя в вере укрепляем, благодарне подвизает нас звати Тебе».*

Каждую пятницу в Благовещенском кафедральном соборе перед Албазинской иконой совершается общегородской молебен с акафистным пением. По завершении молебна служитя заупокойная лития по Ермогену. Его имя внесено во все храмовые и монастырские синодики Благовещенской епархии. В числе первых оно упоминается за каждой Божественной литургией на заупокойных ектениях и общих панихидах. Восстановлена дореволюционная традиция совершать особую панихиду в день памяти подвижника.

В иконописной мастерской при женском Богородично-Албазинском монастыре написано несколько образов старца, схожих с портретом XVIII века, копии которых имеются во многих храмах и домашних собраниях православных амурчан.

Как правило, закономерным следствием утвердившегося народного почитания является канонизация подвижника, то есть его прославление в лике святых для местного или общецерковного почитания. С этой целью в 2020 году под председательством архиепископа Лукиана была образована специальная епархиальная комиссия. В настоящее время она занимается сбором и систематизацией сведений о жизни и трудах иеромонаха Ермогена, его посмертном и современном почитании.

В этой связи комиссия просит православных христиан, настоятелей приходов и монастырей Благовещенской епархии по христианской совести сообщать о чудесах, явленных по молитвам старцу Ермогену. Все свидетельства подобного рода следует отправлять секретарю комиссии В.А. Пушкарёву по адресу электронной почты: amurhistory@yandex.ru

В обозримой перспективе все собранные материалы будут переданы на рассмотрение в Синодальную комиссию по канонизации святых.

Использованные источники и литература

Документальные источники:

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (ДАИ). СПб, 1846-1872.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 – Сибирский приказ. Столбцы 361, 450, 653, 973.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550. Д. Q.I.1454. Житие св. Гермогена, основателя Свято-Троицкого Киренского монастыря. 1858 г. 44 л. Подлинник. Рукопись.

Публикации дореволюционного периода:

4. *Голубев И.К.* Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Иркутской епархии). СПб, 1894.
5. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, почерпнутое из архивных монастыря сего бумаг, настоятелем сего же монастыря, игуменом Лаврентием Мордовским. СПб, 1841.
6. От Благовещенска до Покровки и обратно (из поездки Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, по епархии в июне 1894 г.) // Камчатские епархиальные ведомости. 1895. № 16. С. 345-350.
7. Пожар в Киренском монастыре // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. 16 ноября. № 46. С. 271-273.
8. *Пономарев Н.А.* Поездка преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле месяцах 1913 г. Иркутск. 2007.
9. Предполагаемое издание «Сибирского патерика» // Омские епархиальные ведомости. 1916. 11 сентября. № 37. С. 7-12.
10. Распоряжение Гурия, епископа Камчатского о памятовании Ермогена // Иркутские епархиальные ведомости. 1886. № 46. С. 314.
11. Хроника // Камчатские епархиальные ведомости. 1894. 31 декабря. № 24. С. 532.

Научные исследования:

12. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019.

13. *Забияко А.П., Трухин В.И.* Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // *Религиоведение*. 2021. № 1. С. 34-50.

14. *Игнатий (Чигвинцев)*, иером. Иеромонах Гермоген – молитвенник о земле Приамурской. История жизни и современное почитание // *Дорохинские чтения*, 2009. Вып. 3. С. 22-30.

15. *Красноштанов Г. Б.* Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск: «Репроцентр А1», 2008.

16. *Мангилев Пётр, прот.* ЕРМОГЕН // *Православная энциклопедия*. Т. 18. М., 2008. С. 647-648.

Содержание

Вступительное слова архипастыря.....	4
1. Начало подвижнического пути: Усть-Киренский Троицкий монастырь.....	6
2. В отряде Никифора Черниговского: путь на Амур.....	9
3. Духовный центр Приамурья: Албазинский Спасский монастырь.....	13
4. Возвращение на Киренгу.....	17
5. Чудеса и посмертное почитание.....	20
Использованные источники и литература.....	29

В.А. Пушкарёв

Жизнеописание Ермогена Киренского и Албазинского

В оформлении обложки и титульного листа
использованы иконы, написанные
монахиней Макарией (Нелинь)

Художественное оформление,
вёрстка – Т.М. Бухарева
Технический редактор – И.М. Сасим
Корректор – Г.А. Седова

ООО «Издательство «Царское Слово»
ИНН 2801255830, ОГРН 12022800001546.
675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Зейская, 225, офис 103 (Дом художника).
Тел. +7914-559-49-30, +7(4162) 215-212.

Сдано в набор 12.10.2021 г. Заказ №184. Подписано в печать 01.11.2021 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Уч. изд. л. 1,78. Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Тираж 50 экз.